

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-371-389

УДК 821.161.1

Ахматова и emigrantica

© 2020, Р.Д. Тименчик

Аннотация: Статья посвящена частным эпизодам большой и еще не до конца изученной темы — взаимосвязей А.А. Ахматовой с русской эмиграцией. Различные эмигрантские источники (печать, документы, эпистолярий, личные свидетельства) порой чрезвычайно важны не только для воссоздания картины восприятия творчества Ахматовой читателями и критиками русской диаспоры, но и в связи с разысканиями в области биографии самой Ахматовой. В первом разделе рассматривается ахматовская версия причины самоубийства в 1921 г. Анастасии Чеботаревской (писательницы, жены Федора Сологуба) — неразделенная любовь к покинувшему Россию незадолго до этого Григорию Лозинскому, и приводится его забытый печатный отклик на смерть Чеботаревской — заметка в берлинской газете «Голос России». Второй раздел статьи посвящен положению Ахматовой в ситуации репрессий, развязанных советскими властями против интеллигенции в 1922 г., и откликам эмигрантской печати на циркулировавшие слухи о готовящейся высылке Ахматовой из страны или ее возможной ссылке.

Ключевые слова: А.А. Ахматова, эмигрантская пресса, «философский парод», А.Н. Чеботаревская, Г.Л. Лозинский, биография писателя

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик, профессор, Еврейский университет, Иерусалим, Израиль. E-mail: suzirom@gmail.com

Цитирование: Тименчик Р.Д. Ахматова и emigrantica // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 371–389. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-371-389

В последние годы мне приходилось несколько раз обращаться к О.А. Коростелеву за советами и помощью в поисках различных эмигрантских источников. Часть этих вопросов была связана с разысканиями в области биографии Ахматовой. Когда начали составляться планы по изданию научного собрания ее сочинений, стало понятно, что за библиографической поддержкой в сфере emigrantica надо будет непременно обратиться к Коростелеву.

Не случится.

1. Самоубийство Анастасии Чеботаревской: поклон из зарубежья

В планах ненаписанной автобиографической книги Ахматовой есть пункт: «Наводнение (24 авг. 1924). Панихида на Смол<енском> кладб<ище>»¹. Речь идет о наводнении, заставшем ее на панихиде по Анастасии Николаевне Чеботаревской, утопившейся за три года перед тем. В этом пункте мемуарной прозы можно было ожидать ахматовского рассказа об одной из самых знаменитых самоубийц среди русских авторов начала прошлого века². Но эта новелла, о которой Ахматова оставила помету «Гот<овый> рассказ»³, зафиксирована на бумаге не была.

Путь «Настии» Чеботаревской к гибельному поступку занял несколько лет. «Удушающая общественная атмосфера, вкупе с мучительными бытовыми невзгодами первых лет большевистского правления, не могла не сказаться разрушительным образом на нервной системе Чеботаревской, и без того неустойчивой и сильно подорванной (во время войны 1914 г. ей уже пришлось перенести первый приступ циркулярного психоза). С 1919 г. все усилия Сологуба и Чеботаревской были направлены к тому, чтобы выехать за границу»⁴.

Усилия заключались в поочередном обращении к большевистским вождям. Одним из них, по очевидной логике, был нарком просвещения, поэт и драматург Луначарский, перед которым супруги попросили ходатайствовать Е.Д. Кускову, вспоминаяшую потом:

Он назначил мне час свидания, и во время этого разговора я особенно обращала его внимание на душевное состояние Чеботаревской.

— Зачем вам здесь эти люди? И почему тянут так ответ?

— А зачем они там? — задумчиво спросил он. — Впрочем, ведь не я вершитель их судьбы. Я бы лично ни минуты их не задерживал:

¹ Мандрыкина Л.А. Ненаписанная книга. «Листки из дневника» А.А. Ахматовой // Книги. Архивы. Автографы: Обзоры, сообщения, публикации. М., 1973. С. 67. У Ахматовой здесь описка в месяце и неточность в дате — речь идет о 23 сентября 1924 г. См.: Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2016. С. 233.

² Подробнее об отношениях Ахматовой и А.Н. Чеботаревской см.: Тименчик Р. Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой // «...Как в прошедшем грядущее зреет...»: Полувековая парадигма поэтики серебряного века: Сб. науч. работ. М., 2012. С. 318–322.

³ Мандрыкина Л.А. Ненаписанная книга. С. 68.

⁴ Лавров А.В. Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М., 1997. С. 299.

она — явно на границе помешательства, а он — вряд ли снова обретет свой талант в нашей обстановке. Даю вам слово, что я всячески постараюсь удовлетворить их просьбу. Но я ведь — не влиятелен.

Когда-то мне такую же фразу сказал Л.Б. Красин на обращенную к нему просьбу правления нашей Лиги поставить его подпись под одним документом.

— Подпись я поставлю. Но не повредит ли она вам? Я числюсь, ведь, в партийцах по документу и в буржуях — по призванию.

Хлопотал ли Луначарский, я не знаю. Через короткое время я узнала, что Сологубы — в отчаянии: им предложено «обождать более благоприятной конъюнктуры». Чеботаревская ждать не согласилась: она бросилась с того самого моста, где было найдено тело убитого Юсуповым Распутина.

Приезжие из Петербурга рассказывали, что Сологуба часто встречали на этом же мосту. Стоял он всегда спокойно, опираясь на перила и пристально смотря на серо-мутные воды Невы. О чем он думал?⁵

Имело свою логику и обращение к Л.Б. Каменеву — в свое время А.Н. Чеботаревская собирала книги символистов, чтобы передать ему⁶, сосланному в Туруханский край: «... я очень люблю Россию, и даже временная разлука с нею для меня тяжела; я не политик и не

⁵ Кускова Е.Д. Из прошлого. Еще об А.Н. и Ф.К. Сологубах // Новое русское слово. 1949, 4 марта; «Лига спасения детей» существовала в 1918–22 гг.; труп Распутина был найден возле Петровского острова. См. первые детали происшествия, сообщенные в эмигрантской печати: «Последнее время ни для кого из близких уже не было тайной, что жена Ф. Сологуба, писательница А.Н. Чеботаревская, психически больна. За ней был учрежден тщательный медицинский уход и надзор. Тем не менее, больной удалось выбраться незамеченной из дому. В темный, холодный вечер, полураздетая, она ушла и пропала без вести. С тех пор ее никто не видел. Самые тщательные поиски не дали никаких результатов. Какой-то курсант видел, как какая-то женщина бросалась с Тучкова Буяна в воду. Но курсант уверял, что это была женщина беременная, что никак не может относиться к г-же Чеботаревской. Тем не менее, указанное место было тщательно обследовано и никаких следов возможного самоубийства не найдено. Не обнаружено это и до нынешнего дня. В ответ на всевозможные объявления и огласки кто-то позвонил Сологубу на квартиру, указав свой адрес (Литейный, 38, кв. 9), и сообщил, что к нему привезли неизвестную больную женщину, найденную где-то за городом. Писатель бросился по указанному адресу и не нашел ни квартиры, ни женщины. Вот всё, что пока известно о судьбе несчастной. Пользовавшийся ее доктор отмечает, что г-жа Чеботаревская страдала именно тем видом мозгового заболевания, когда больной уходит в пространство без цели, без сознания, без памяти. И ходит до тех пор, пока держат ноги... Нашла ли больная приют где-нибудь в окрестностях столицы или, выбившись из сил, погибла в пути, никаких указаний, ни о живой, ни о мертвой...» (Судьба А.Н. Чеботаревской // Путь (Хельсинки). 1921, 21 окт.).

⁶ Письмо А.Н. Чеботаревской А.А. Блоку от 4 или 5 марта 1915 г. // РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 447. Л. 25–26.

публицист, и никакою активной политикой не занимался; я смотрю на явления и на людей как поэт и беллетрист, подходя к ним, конечно, не с классовым, а только с художественным критерием. В прошлом моем и моей жены было оказано достаточно услуг делу освобождения России, достаточно для того, чтобы люди, имеющие глаза, уши и незамутненный разум, могли дать отчет в наших политических симпатиях...»⁷

Но Л. Каменев доложил товарищам и лично Ленину: «Я не верю, что Сологуб не будет поливать нас грязью за границей. Полагаю дать ему здесь паек, поселить в санатории, издать “Старый дом” (что действит<ельно> хорошая вещь, очень!). Л. Каменев. 21.06.20», а Троцкий сослался на мнение краевого начальника: «На мой вопрос т. Зиновьев ответил, что Сологуб получает паек. За границу и он, и жена его (особенно она) будут клеветать всячески. Троцкий»⁸. Но именно Троцкий впоследствии участвовал в организации разрешения, которым Сологубы воспользоваться не успели.

О причинах, приведших жену к самоубийству, Сологуб рассказал в некрологе ей, напечатанном в журнале «Литературные записки» в 1922 г. Спустя пять лет некролог цитировал редактор этого издания Борис Харитон, высланный как «внутренний эмигрант» в том же 1922 г.:

Вспомним, что этот некролог — чуть ли не последнее, что напечатано Сологубом, — появился в 1922 г., при большевиках, и тогда нам будет ясна причина его большой сдержанности. Впрочем, теперь, еще пять лет спустя, и такие строки в СССР немислимы. Итак, вот эта цитата:

«Закрытие газет, независимых от правительства, и прекращение свободного издательства книг поставили ее и Сологуба в очень тяжелое морально и материально положение: пришлось испытывать крайнюю степень нужды, голод и холод. А.Н. героически переносила все невзгоды, **предпочитая голод какому-бы то ни было компромиссу.**

⁷ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М., 2005. С. 552–553.

⁸ См. подробнее: *Мышов Н.А.* «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу»: Документы российских архивов о писателе Ф. Сологубе. 1920-е гг. // Отечественные архивы. 2006. № 6. С. 84–95; Письма Федора Сологуба в Совнарком, В.И. Ленину и А.В. Луначарскому / Публ. Ф. Федорова // Континент. 1992. № 2 (72). С. 255–259; *Суровцева Е.В.* Ф.К. Сологуб и его эпистолярные обращения во власть // Modern Science and Technology: Сб. статей Международной науч.-практич. конференции. Петрозаводск, 2019. С. 97–101.

Не принимая ни малейшего участия в политической деятельности, **она хотела сохранить совершенную независимость, полагая в этом долг человека и писателя.** Два года она и Сологуб добились разрешения выехать за границу: за границей были издатели, и, стало быть, **возможность жить по-человечески.** Бежать же из России ни она, ни Сологуб не хотели).

Понятно, что строки, выделенные жирным шрифтом, написаны Сологубом и о себе⁹.

В этом же некрологе Сологуб вспоминал: «Одним из последних ударов судьбы была для нее смерть А.А. Блока, поэзия которого была для нее весьма дорога и близка.

“Страшно в Петербург возвращаться, — говорила она в Костроме, где жили каждое лето, начиная с 1916 года, — Петербург без Блока — мертвый город”.

Ну, а все-таки вернулись, и город был мертв, и жизнь иссякла»¹⁰.

Критику В.Ф. Боцяновскому Сологуб потом рассказывал: «... она любила Блока, извиняя и его юдофобство, и его заигрывание с большевизмом. Когда он умер, мы были в Костроме, и смерть его страшно ее потрясла. Затем вторая смерть — смерть Гумилева. Она была уверена, что должна последовать в литературной семье нашей третья смерть и что умереть должен я, как болевший грудной жабой. Чтобы обезоружить судьбу и защитить меня, она решила пожертвовать собой»¹¹.

Однако Ахматова свидетельствовала о том, что была еще одна причина. Библиофил М.С. Лесман записал ахматовский рассказ 1960 г.:

⁹ Харитон Б. Сологуб и его жена. (По воспоминаниям) // Сегодня (Рига). 1927, 7 дек.; в оригинале — мелкие разночтения.

¹⁰ [Б.п.] А.Н. Сологуб-Чеботаревская // Литературные записки. 1922. № 1. С. 13.

¹¹ Павлова М.М. В.Ф. Боцяновский. Записи разговоров с Федором Сологубом (1921–1922) / Вступ. заметка, подгот. текста и коммент. М.М. Павловой // Русская литература. 2019. № 2. С. 166. Слешим поправить возможную историко-литературную неловкость, могущую проистечь из явно неточной записи разговора, — якобы Ахматова сказала о Кузmine: «Он действительно был виноват в трагической гибели Чеботаревской» (Рейн Е. Восемнадцатое марта // Литературная газета. 2016. № 9, 3 марта). В этом воспоминании о разговоре много неточного: Ахматова не видела на «Башне» М.А. Волошина и, по-видимому, В. Зоргенфрея. Об отношении Кузмина к происшествию есть его запись 26 сентября 1921 г.: «А Настя Сологуб в припадке исступления бросилась с Тучкова моста. Бедный старик! Как он будет жить? И все равнодушны. Я представил ветер, солнце, исступленную Неву, теперь советскую, но прежнюю Неву и маленькую Настю, ведьму, несносную даму, эротоманку, в восторге, исступлении. Это ужасно, но миг был до блаженства отчаянным. До дна» (Кузмин М. Дневник 1921 года / Публ. Н. Богомолова и С. Шумихина // Минувшее: Ист. альманах. 13. М.; СПб., 1993. С. 489). 9 октября он записал: «У О.А. [Глебовой-Судейкиной] был[а] <...> Ахматова, она читала стихи, по-моему, очень неважные. <...> О.А. рассказывала о Насте. Это, действительно, ужасно» (Там же. С. 492).

Разговор заходит о смерти Анастасии Николаевны Чеботаревской.

— А знаете ли вы причину ее самоубийства? — спрашивает Ахматова.

— Да, знаю.

— Нет, вы ничего не знаете.

— Ну как же, Анна Андреевна, по моей просьбе близкая родственница Анастасии Николаевны записала мне историю ее самоубийства во всех подробностях.

— Ах, это вам Черносивитовы рассказывали! Они изо всех сил стараются скрыть истинные причины самоубийства Чеботаревской. Так часто бывает, так было и со смертью Пушкина. Ведь многие люди, близкие поэту, знали истину, но в оставленных документах — воспоминаниях, письмах они говорят правду только до какого-то момента, а затем — точка. И дальше — молчание...

Рассказывает, что причиной самоубийства была несчастная любовь Чеботаревской к человеку, который никак не разделял ее чувств, не давал ей никаких надежд и поводов.

«Однажды, — вспоминает Анна Андреевна, — Оля [Глебова-Судейкина] и я остались у Сологубов ночевать. Анастасия Николаевна, сидя у меня на кровати, полночи рассказывала нам о своей любви...» Вскоре «герой» уехал из Ленинграда, и Чеботаревская не смогла пережить разочарования.

Рассказ Ахматовой, живо передававший экзальтацию Чеботаревской, естественно вызвал у меня вопрос: а не кажется ли ей, что эта любовь есть прямое проявление психического заболевания? Ахматова решительно отвергла мое предположение¹².

Лидии Чуковской Ахматова рассказывала это еще в 1940 г.:

— Я знаю, почему погибла Настя. Этого никто толком не знает, а я знаю, как всё это было и почему. Она психически заболела из-за неудачной любви. Ей тогда было года сорок два, она влюбилась в человека холодного, равнодушного. Он сначала удивлялся, часто получая приглашения к Сологубам. Потом, когда он узнал о чувствах к нему Анастасии Николаевны, перестал там бывать. Она уводила меня к себе в комнату и говорила, говорила о нем без конца, часами. Иногда она надевала белое платье и шла к нему объясняться... вообще делала ужасные вещи, которые никогда не должна делать

¹² Беседы А.А. Ахматовой (Из собрания М.С. Лесмана) / Вступ. заметка Р. Тименчика // Искусство Ленинграда. 1989. № 5. С. 71.

женщина. В последний раз я видела ее за несколько дней до смерти: она провожала меня, я шла в Мраморный дворец к Володе [Шилейко]. Всю дорогу она говорила о своей любви — ни о чем другом она уже говорить не могла. Когда она бросилась в Неву, она шла к своей сестре. Это было точно установлено, что вышла она из дому, чтобы пойти к сестре, но, не дойдя два дома, бросилась в Неву...¹³

И подруга Ахматовой В.А. Щеголева рассказывала, что одной из причин «была мука неразделенной любви к одному только что уехавшему за границу человеку»¹⁴.

Имя «холодного человека» назвал Михаилу Мейлаху Н.И. Харджиев: «Говорили, что, помимо психостении, она была влюблена в кого-то, кажется, в брата Лозинского, и бросилась в реку...»¹⁵

Талантливейший филолог Григорий Леонидович Лозинский (1889–1942) был одно время близок с Ахматовой, участвовал в издании сборника «Подорожник» в ведомом им совместно с Я.Н. Блохом издательстве “Petropolis”. Ему первым удалось склонить ее к переводам — перевод стихотворения португальского поэта Антеро де Кентала «Заре»¹⁶.

Он бежал из Петрограда в Финляндию в августе 1921 г. вскоре после ареста Гумилева и задержания в этой связи своего брата Михаила Лозинского¹⁷. О его последующей судьбе вспоминал Владимир Вейдле:

¹³ Чукская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. М., 1997. Т. 1: 1938–1941. С. 137. Ср.: «...вдруг обнаружилась ужасная вещь: Анастасия Николаевна влюбилась в NN и совершенно охладела к Сологубу. В доме начался ад. Любовь Анастасии Николаевны была без взаимности. Несчастливая находила острую отраду — приходиться к знакомым и говорить им о своей безнадежной любви. Наконец не выдержала, выбежала из дому и тут же в двух шагах от квартиры бросилась в реку — утонула» (Чукская Л.К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 13: Дневник (1936–1969). М., 2012. С. 481).

¹⁴ Воспоминания Т.Н. Черносвитовой о смерти А.Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л.Н. Щуко / Публ. М.М. Павловой // Memento Vivere: Сборник памяти Л.Н. Ивановой / Сост. и науч. ред. К.А. Кумпан и Е.Р. Обатнина. СПб., 2009. С. 492.

¹⁵ Мейлах М. Эвтерпа, ты? Художественные заметки. Беседы с артистами русской эмиграции. Т. 2: Музыка. Опера. Театр и Десятая муза. Изобразительное искусство. М., 2011. С. 678.

¹⁶ Лозинский Г. По поводу одного стихотворения Анны Ахматовой // Голос России (Берлин). 1922, 27 авг.; он же привлек и Гумилева к этому автору, — со слов разных информантов Павел Лукницкий зафиксировал: «1919. К 20 декабря. Переведены для издат<ельства> “Всемирная литература” два стихотворения (из “Современных од”) [Антеро де Кентал] <...> Примечание: Перевод 2 стихотворений Антеро де Кентал сделан по подстрочнику Лозинского» (Лукницкий П.Н. Труды и дни Н.С.Гумилева. СПб., 2010. С. 583). Было: «по подстрочнику М. Лозинского» (зачеркнуто) — как и иные последующие публикаторы, П.Н. Лукницкий запутался в двух братьях.

¹⁷ Тименчик Р. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008. С. 65–68.

Лозинский, брат поэта, был бы для России и еще того драгоценнее, а в Париже — еще очевидней — оказался не у дел. Филолог он был знаний на редкость широких и на редкость точных, обладал огромной трудоспособностью и памятью, но и остро-критическим умом. Был у себя дома во всех романских и во всех германских языках, под конец жизни и за угро-финские принялся, написал по-фински работу, напечатанную в ученых записках Гельсингфорского университета. Ему бы в Петербурге — но не в Ленинграде — стать главой романо-германского отделения, деканом филологического факультета...

В первые свои парижские годы он преподавал старофранцузский язык на недолго просуществовавшем русском отделении Парижского университета. Так хорошо преподавал, что французские студенты, занимавшиеся этим языком, один за другим покидали своего профессора: к Лозинскому перебежали. Когда русская эта Сорбонна кончилась, стал Григорий Леонидович ради заработка преподавать в Русской гимназии и преподавал там русскую словесность очень хорошо (как я слышал от ряда его учеников), но оплачивался труд этот не блестяще и мы с ним, начиная с 30-го года, десять лет работали во французском ежемесячнике «Месяц» (“Le Mois”), где я, однако, ведал как-никак литературным отделом, а он взвалил на себя политический и общественный, т.е. вел обстоятельную политико-социальную хронику (пользуясь главным образом английскими и швейцарскими газетами). Вел он ее превосходно, хотя по-настоящему интересоваться его эта работа не могла. Я и моей работой порой тяготился, а Григорий Леонидович никогда не жаловался мне на свою, отчасти по замкнутости характера, но отчасти, думается мне, и потому, что ведь мог бы от редакции добиться перехода на мою должность, да и прекрасно сумел бы делать мою работу, но я тогда ушел бы из журнала, потому что его работу не захотел бы делать, да едва ли бы и сумел. <...> Лозинский умер в 42-ом году во время оккупации от белокровия, вызванного истощением. Всегда очень скромно жил, никуда летом из Парижа не уезжал. Женился года за три до войны. Дочка у него родилась¹⁸.

¹⁸ Вейдле В. О тех, кого уж нет // Новый журнал. 1993. № 192–193. С. 398–400. Для восстановления духовной биографии незаурядного филолога частичный материал дает его архив в Бременском университете. Частичный — потому что судьба архива не столь радужна. История его начинается с того, что в 1989 г., читая воспоминания сестры братьев Лозинских Е.Л. Миллер в Бахметевском архиве Колумбийского университета, я нашел упоминание о проживающей в Мюнхене и хранящей архив отца Марине Григорьевне Лозинской-Гросс и сообщил об этом

Из заграницы Григорий Лозинский откликнулся на гибель обезумевшей влюбленной, напечатав подписанную криптонимом заметку, ускользавшую до сего времени от сологубовской библиографии и, вероятно, оставшуюся неизвестной Ахматовой¹⁹:

В последний раз мне случилось видеть А. Чеботаревскую в Петербурге в «Доме Литераторов» в феврале 1920 г. Был литературно-музыкальный вечер. Федор Кузьмич Сологуб читал отрывки из романа «Заклинательница змей» и кроме того около 12 стихотворений, из которых я запомнил два: «Зверь» и «Россия» (еще не опубликованы). А. Чеботаревская сидела возле меня. Она страшно исхудала, глаза ее лихорадочно блестели. В антракте подошла к нам М.В. Ватсон, и разговор зашел о том, что Мережковскому, Философову и Гиппиус удалось благополучно пробраться.

А. Чеботаревская рассказала, что Федор Кузьмич обратился к Ленину с ходатайством о разрешении выехать за границу, но получил отказ. Я предложил им свое содействие по устройству их отъезда за границу на нелегальных основаниях. А. Чеботаревская отклонила это предложение, мотивируя тем, что и она, и Ф.К. не желают спасаться бегством. Она рассказывала между прочим, что на их квартире на 10 линии В.О. всю зиму было холодно, что Ф.К. вынужден был физически работать, чтобы существовать, что температура в комнате не позволяла ни ей, ни Ф.К. писать. И без того нервная Чеботаревская производила удручающее впечатление своим болезненным лихорадочным видом²⁰.

тогдашнему земляку архиводержательницы Габриэлю Суперфино, который, став спустя несколько лет сотрудником центра изучения стран Восточной Европы в Бремене, организовал передачу туда части архива в 1994–2008 гг. и обработал его. Оставшаяся в доме часть погибла при пожаре в 2012 г., мне известны только ценнейшие выписки оттуда, сделанные Г.Г. Суперфином тридцать лет назад. Обзор сохранившихся бумаг: *Климович Л.В.* Фонд Григория Леонидовича Лозинского в архиве Центра изучения стран Восточной Европы при Бременском университете // *Вестник архивиста.* 2020. № 1. С. 208–222.

¹⁹ В своих дошедших до нас подробнейших автобиблиографических списках она не упоминала напечатанное на той же полосе письмо в редакцию Г.Л. Лозинского, защищающее авторские права автора «Подорожника», — оно перепечатано: *Тименчик Р.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. С. 86–87.

²⁰ *И.* Из воспоминаний об А. Чеботаревской // *Голос России* (Берлин). 1921, 9 окт. Кстати, о криптониме, латинском «I», — «И.И.» подписан некролог Петру Потемкину, иногда приписываемый Георгию Иванову, в котором среди прочего говорилось: «Помню, когда Н. Гумилев “пошел походом” на символизм, когда в “Бродячей собаке” волновались первые акмеисты — Потемкин был в стороне» (Звено (Париж). 1926, 31 окт.). Оба эти криптонима не зафиксированы в новейшем своде (*Шруба М.* Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945). М., 2018. С. 639); из близких, предположенных Г.Г. Суперфином, буквенных

Как видим, со времени последней встречи с предметом страсти²¹ до гибели Чеботаревской прошло более полутора лет. За это время она искала способа встретиться с ним и, вероятно, потому попросила мужа включить его в состав эмигрирующей троицы. В очередной просьбе к всесильному Троцкому 25 апреля 1921 г. Сологуб писал: «В совершенно невозможном состоянии также проф. Г.Л. Лозинский, о котором мы неоднократно просили и Луначарского, и Покровского, и Семашко, так как он сам, туберкулезный, на костылях, лишен возможности приехать для личного ходатайства в Москву. Он филолог, просил о разрешении проехать для работы и лечения во Францию»²².

Такова история сокровенной несчастной любви столетней давности.

2. Несостоявшаяся высылка 1922 года

В капитальном компендиуме В.А.Черных в связи с историей «философского парохода» летом-осенью 1922 г. упомянуты распоряжение Ленина, составление списков и план плотной слежки за интеллигентами²³. Имя Ахматовой в обнародованных до сего дня документах прямо не названо. Зато в связи с изгнанием инакомыс-

комбинаций, *membra disjecta* имени и фамилии автора, там перечислены «З.И.», «И.З.», «-ий», «Р.И.».

²¹ Речь идет о вечере 23 февраля 1920 г. в Доме литераторов. «За последние несколько лет Сологуб стал еще интереснее для читающего мира. В этом мы могли на днях убедиться. Вечер Сологуба... напомнил нам лучшие времена наших литературных собраний, когда публика буквально переполняла залы Тенишевского училища, Союза писателей и др.» (*Боцяновский В.* Ф.К. Сологуб и его новый роман // *Вестник литературы.* № 3) (*Литературная жизнь России 1920-х годов.* Т. 1. Ч. 1. С. 519).

²² *Литературная газета.* 1994. № 29, 20 июля; при следующей, уже комментированной публикации адресанта поправили: «Так в документе. Видимо, речь идет о Михаиле Леонидовиче Лозинском» («Шипение Сологуба ничего не прибавит» / Публ. В. Шепелева и В. Любимова // *Источник.* 1995. № 5. С. 70); в недавней биографической компиляции (*Савельева М.* Федор Сологуб. М., 2014. С. 204) инициалы перевраны («Л.Л.»). С провалившимся проектом совместного выезда как-то связан реприманд из письма Сологуба Г. Лозинскому лета 1921 г.: «На днях я совершенно случайно узнал, что в феврале этого года письмо от Ан.Н. к Вам, присланное из Москвы, попало в чужие руки, и Вы это скрывали 4 месяца, хотя Вам было известно, что для нас это повлекло весьма неприятные последствия» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. № 31. Л. 3; сообщено А.Л. Соболевым).

²³ См. письмо В. Ленина И. Сталину (от 16 июля): «Арестовать несколько сотен и без объявления мотивов — выезжайте, господа! Всех авторов Дома литераторов...» (*Черных В.* *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966.* С. 194), об арестах в ночь с 16 на 17 августа 1922 г. тех, кого предполагалось выслать (Там же. С. 196) и записку председателя ГПУ Ф.Э. Дзержинского своему заместителю И.С. Уншлихту: «На каждого интеллигента должно быть дело» (Там же. С. 198).

лящих это имя прошло по страницам эмигрантской, а оттуда — и иностранной прессы.

В акте исторжения врагов народа Ахматова на сей раз присутствует за сценой. 22 мая 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б) рассмотрело сообщение Ф. Дзержинского на основе указаний В. Ленина «О белогвардейской литературе» (Ленин, едва ли не цитируя указ из «Бориса Годунова», предполагал профессоров и писателей «изловить и излавливать постоянно и систематически и выслать за границу»)²⁴. 1 июня подана подписанная Яковом Аграновым докладная записка ОГПУ «Об антисоветских группировках среди интеллигенции»: «Ослабление репрессий окрылило надежды антисоветской интеллигенции, и в последнее время различные ее слои в различных формах ведут против советской власти упорную контрреволюционную работу»²⁵. А на следующий день газета «Правда» напечатала статью «Диктатура — где твой хлыст?», подписанную «О.» и написанную Л.Д. Троцким²⁶. В статье говорилось, что «книжка г. Айхенвальда насквозь пропитана гнилой, гнойной ненавистью к Октябрю и к России». Поскольку в своей книге, приведя стихотворение Ахматовой «Где, высокая, твой цыганенок...», Ю. Айхенвальд продолжал: «Сиротеет не только ребенок без матери, но и мать без ребенка. Ее опустевшие, праздные руки тоскуют по ноше. Но еще тяжелее тоска другой матери — той, чье скорбное лицо на фоне русского ужаса показала нам чуткая душой Анна Ахматова», и за этим следовало стихотворение «Для того ль тебя носила...» о расстрелянном в Севастополе брате, — «Правда» по поводу «скорбного лица матери офицера» у «даровитой» Ахматовой замечала: «Или, может быть, слезы недворянских матерей меньше весят на весах чистой поэзии или айхенвальдовской религии?» По поводу Гумилева тоже замечено: «Зато Айхенвальд с безраздельным восторгом цитирует поэта, который поднял меч против революции и от меча погиб». Статья отвечала на заглавный вопрос: «И этим хлыстом пора бы заставить айхенвальдов убраться за черту, в тот лагерь содержания, к кото-

²⁴ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922 гг. М., 2005. С. 416.

²⁵ Там же. С. 432.

²⁶ См. подробнее: Там же. С. 426–427. Ср. реакцию М. Кузмина на последующие обвинения Троцкого: «Как бы увенчанием этой отрешенной литературы, этого тупика вышедших в тираж мыслей и чувств является плотный, прекрасно изданный сборник “Стрелец”... какая безнадежность и какое умирание! Лучше бы проклинали и неистовствовали: все-таки похоже на жизнь» (*Троцкий Л.* Внеоктябрьская литература // *Правда*. [1922.] 17 сент.) — из дневника М. Кузмина (от 21 сент.): «Вот Троцкий и нас ругает. М<ожет> б<ыть>, кандидаты к высылке?» (Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 2. С. 466).

рому они принадлежат по праву со всей своей эстетикой и со своей религией».

20 июля Политбюро ЦК РКП(б) рассматривает доклад И. Уншлихта «по антисоветской интеллигенции» и разочаровано «недостаточной величиной списка», а через два дня Уншлихт пишет Сталину: «Сведения, полученные нами из зарубежных источников, определенно устанавливают, что заинтересованным кругам белой эмиграции стало известно о предполагающихся в Советской России репрессиях против антисоветской интеллигенции. Некоторая тревога в профессорском и литературном мире наблюдается в последнее время и в Москве: ждут каких-то массовых арестов, высылки... Ввиду этого представляется крайне необходимым спешное проведение намеченной операции...»²⁷

В августе произошли аресты намеченных к высылке, среди них — коллег Ахматовой как члена Комитета Дома литераторов; как следствие 2 сентября составляется заявление: «Начальнику Петроградского отдела Г.П.У. Петроградское отделение Всероссийского Союза писателей просит Вас принять А.А. Ахматову и А.Л. Волынского по делу о выяснении вопроса, будут ли высылаемые члены Союза писателей Замятин, Петрищев, Изгоев, Харитон и Волковский освобождены на несколько дней для устройства личных дел»²⁸.

И через несколько дней в летопись жизни и творчества Ахматовой вторгается эмигрантская печать:

Из Петербурга сообщают в газеты, что высылке за границу также подлежит и поэтесса Анна Ахматова за то, что в ее стихах заметно клерикальное влияние, а главное за то, что она была женой расстрелянного большевиками поэта Н. Гумилева²⁹.

Москва, 7 сентября. Предполагавшаяся высылка некоторых русских ученых временно приостановлена. Из частных кругов Петрограда сообщают, что высылке подлежит и известная поэтесса Анна Ахматова. Вызвана эта мера, главным образом, тем, что она — вдова расстрелянного поэта Н. Гумилева. Арестованы и другие лица из литературных кругов. Несколько «красных» профессоров начинают

²⁷ Там же. С. 469.

²⁸ Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 123; в деле Е.И. Замятина в ГПУ подшито ходатайство Всероссийского союза писателей, подписанное Ахматовой и Волынским (*Файман Г.* «И всадили его в темницу...» // Русская мысль. 1996, 1–7 февр.).

²⁹ Высылка Анны Ахматовой. Заговоры, расстрелы // Сегодня (Рига). 1922, 7 сент.

хлопотать за некоторых из выслаемых, но из всех этих хлопот ничего не выходит, так как «красная» профессура, конечно, к компартии никакого отношения не имеет. Характерно, что из правых профессорских кругов никто не выслается, а гонения происходят среди левых. Как сообщает «Эхо», в скором времени пройдет через Ковно первая партия выслаемых из сов. России ученых и представителей интеллигенции³⁰.

Из Петербурга сообщают в газеты, что высылке за границу также подлежит и поэтесса Анна Ахматова за то, что в ее стихах заметно клерикальное влияние, а главное за то, что она была женой расстрелянного большевиками поэта Н. Гумилева.

Наши поэты были в большинстве случаев люди религиозные в высшем смысле этого слова. Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Хомяков умели молиться, но клерикального в них ничего не было. Религиозность Ахматовой была тоже весьма своеобразной, в ней чувствовалась такая же могучая сила красоты, как и в ее любви и любовной лирике. <...> Пожелаем невольной изгнаннице красивой скорби и памяти о родине...³¹

Гельсингфорс, 10 сентября (соб. кор.). В числе арестованных в Петрограде подлежащих высылке за границу литераторов и ученых находится также Анна Ахматова, обвиняемая в том, что последние ее стихотворения проникнуты «вредными идеями». Следует отметить, что Анна Ахматова давно уже состоит на подозрении у ГПУ ввиду того, что является вдовой расстрелянного в прошлом году поэта Гумилева³².

И отсюда — уже в ряд европейских газет на разных языках.

Среди литературных и научных авторитетов, арестованных в Петрограде и предназначенных или для депортации за границу, или к ссылке в отдаленные северные края³³, есть и популярная, широко

³⁰ Последние известия (Ревель). 1922, 9 сент.

³¹ К.А. [Арабажин К.И.]. К высылке Анны Ахматовой // День (Рига). 1922, 11 сент.; подробные цитаты из этой заметки см.: *Тименчик Р.* Из латвийской ахматовианы // Даугава. 1994. № 6. С. 16–17.

³² Арест Анны Ахматовой // Голос России (Берлин). 1922, 12 сент.; в тот же день варшавская газета сообщала о готовящейся высылке Ю. Айхенвальда, Н. Бердяева, Ахматовой (Поход против интеллигенции // За свободу! 1922, 12 сент.).

³³ В Англии эта версия еще жила некоторое время. 13 ноября Д.П. Святополк-Мирский писал А.М. Ремизову из Лондона: «Здесь распространились слухи, что Анна Ахматова выслана в Архангельскую губ. Я очень просил бы Вас написать мне,

известная поэтесса Анна Ахматова, обвиненная в распространении «тлетворных идей» в ее недавних выступлениях в печати. На Анну Ахматову в течение продолжительного времени поглядывало Государственное Политическое Управление. Она вдова русского поэта Гумилева (Goumileff), расстрелянного большевиками в прошлом году³⁴.

Опровержений из советской России не последовало, посему 1 октября Д. Философов писал о Ремизове:

Он уехал из России, потому что слишком трудно было ему там жить. Гибель Блока, гибель Гумилева, рабство духа, гибель плоти, всё это легло тяжелым камнем на душу.

А в Берлине — всё чужое. И страшная нужда, около сытых, равнодушных людей. К западной культуре Ремизов не подходит. Она ему мистически непонятна. И он хиреет, тянет его на родину, загаженную и заплеванную коммунистами. Тянет как раз в то время, когда оттуда высылают остатки интеллигенции, в том числе Анну Ахматову, о которой с такой любовью вспоминает Ремизов. И становится страшно за Ремизова, как бы он не погиб³⁵.

А в это время Ахматова была вовлечена в судьбы высылаемых. А.Ф. Кони сообщал коллеге 28 сентября: «Сегодня мы (Котляревский, я и Ахматова) были ходатаями на <sic> членов нашего комитета и Д<ома> лит<ераторов> за Харитона, Когана, Волковысского, Ирецкого и Лутохина и в числе добытых нами уступок значится и готовность материальной помощи высылаемым. Нестор Александрович [Котляревский] просил меня написать об этом Вам и просить навести у них справки о размерах необходимого пособия и составить список, о дальнейшем направлении которого Вы спросите его указаний. Содержание под стражею продлится не менее еще неде-

верно ли это, и если верно, то что еще об этом Вам известно. Мне кажется, что здесь можно будет что-нибудь для нее сделать. Думаю действовать через Уэл<л>са» («...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополка-Мирского к А.М. Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. V. СПб.: Феникс, 2003. С. 347).

³⁴ Russian Poetess Arrested (from our own correspondent). Berlin, Sept. 11 // The Times, 1922. September 12.

³⁵ Д.Ф. [Философов Д.В.] Обезьяний язык. Ахру. Повесть петербургская Алексея Ремизова // За свободу! (Варшава). 1922, 1 окт.

ли + три дня перед высылкой. В этот период надо исчерпать вопрос о пособии»³⁶.

Видимо, у Ахматовой, помимо должностного, был и личный интерес. Татьяна Леонидовна Яницкая, дочь приятельницы Ахматовой, актрисы Л.Х. Дроботовой и экономиста Леонида Моисеевича Пумпянского, арестованного перед высылкой³⁷, вспоминала: «Многие не хотели покидать родину. Мои родители согласны были, чтобы их послали в любое место в Союзе, но им объяснили, что согласно для этого случая специально созданной 21 статьи, предусматривающей высылку за границу на три года, она может быть заменена только расстрелом. Анна Андреевна, от имени Дома ученых, ходатайствовала, чтобы семьи с беременными могли бы остаться (в том числе и наша семья). К счастью, власти не согласились. Осенью 1922 года в Германии (единственная страна, которая согласилась принять каких-то непонятных преступников) моя семья оказалась в эмиграции. Я родилась в декабре 1922 года в Берлине»³⁸.

С Пумпянскими Ахматова попрощалась 15 ноября 1922 г. на Николаевской набережной Невы на Васильевском острове, где готовился к отплытию в Штеттин пароход “Preussen”, увозивший их, издателя «Петрополиса» Якова Блоха, Льва Карсавина³⁹ и других персонажей ахматовской биографии⁴⁰.

Литература

Беседы А.А. Ахматовой (Из собрания М.С. Лесмана) / Вступ. заметка Р. Тименчика // Искусство Ленинграда. 1989. № 5. С. 67–74.

Е.И. Замятин в дневниках А.А. Кроленко (1923–1931) / Вступ. ст., публ. и коммент. И.В. Дацок // Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации / Сост. М.Ю. Любимова, науч. ред. Л.С. Гейро. СПб.: Российская национальная библиотека, 2002. С. 271–293.

³⁶ *Петрицкий В.* «Врезанные в память письма...». Каталог собрания рукописных материалов XIX–XX веков. Публикации. СПб., 1998. С. 136.

³⁷ *Исаков С.* Леонид и Лидия Пумпянские. Опыт биографии // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. XII. Таллинн, 2012. С. 300–322.

³⁸ Письмо петербургской корреспондентке 2010 г. (сообщено мне сыном адресантки Петром Яницким); Дом Ученых, возможно, назван вместо Дома Литераторов.

³⁹ О знакомстве Ахматовой с Л.П. Карсавиным см.: *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2020. Vol. 8 (в печати).

⁴⁰ Е.И. Замятин в дневниках А.А. Кроленко (1923–1931) / Вступ. ст., публ. и коммент. И.В. Дацок // Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации / Сост. М.Ю. Любимова, науч. ред. Л.С. Гейро. СПб., 2002. С. 271–293.

Исаков С. Леонид и Лидия Пумпянские. Опыт биографии // Балтийский архив: русская культура в Прибалтике. Т. XII. Таллинн: TLÜ Kirjastus, 2012. С. 300–322.

Климович Л.В. Фонд Григория Леонидовича Лозинского в архиве Центра изучения стран Восточной Европы при Бременском университете // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 208–222.

Кузмин М. Дневник 1921 года / Публ. Н. Богомолова и С. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 457–524.

Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 766 с.

Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 704 с.

Мейлах М. Эвтерпа, ты? Художественные заметки. Беседы с артистами русской эмиграции. Т. 2: Музыка. Опера. Театр и Десятая муза. Изобразительное искусство. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 951 с.

Мышов Н.А. «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу»: Документы российских архивов о писателе Ф. Сологубе. 1920-е гг. // Отечественные архивы. 2006. № 6. С. 84–95.

Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 575 с.

Павлова М.М. Воспоминания Т.Н. Чернозитовой о смерти А.Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л.Н. Щуко // Memento Vivere: Сб. памяти Л.Н. Ивановой / Сост. и науч. ред. К.А. Кумпан и Е.Р. Обатниной. СПб.: Наука, 2009. С. 489–496.

Павлова М.М. В.Ф. Боцяновский. Записи разговоров с Федором Сологубом (1921–1922) / Вступ. заметка, подгот. текста и коммент. М.М. Павловой // Русская литература. 2019. № 2. С. 159–169.

Петрицкий В. «Врезанные в память письма...»: Каталог собрания рукописных материалов XIX–XX веков. Публикации. СПб.: Российская национальная библиотека, 1998. 240 с.

«...С Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора. V. Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 2003. С. 335–401.

Суровцева Е.В. Ф.К. Сологуб и его эпистолярные обращения во власть // Modern Science and Technology. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2019. С. 97–101.

Тименчик Р. Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой // «... Как в прошедшем грядущее зреет...»: Полувековая парадигма поэтики серебряного века. М.: Азбуковник, 2012. С. 318–322.

Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2020. Vol. 8 (в печати).

Тименчик Р. Из латвийской ахматовианы // Даугава. 1994. № 6. С. 3–19.

Тименчик Р. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М.: Гешарим; Мосты культуры, 2008. 686 с.

«Шипение Сологуба ничего не прибавит» / Публ. В. Шепелева и В. Любимова // Источник. 1995. № 5. С. 66–71.

Шруба М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945) / Под ред. О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 1064 с.

Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2016. 944 с.

References

Besedy A.A. Akhmatovoi (Iz sobraniia M.S. Lesmana) [Conversations with Anna Akhmatova (From M.S. Lesman collection), intro. R. Timenchik. *Iskusstvo Leningrada*, 1989, no. 5, pp. 67–74. (In Russ.)

Chernykh V. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. 1889–1966*. Izd. 3-e, ispr. i dop. [Chronicle of Anna Akhmatova's life and work. 1889–1966. 3d ed.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 944 p. (In Russ.)

E.I. Zamiatin v dnevnikakh A.A. Krolenko (1923–1931) [E.I. Zamyatin in A.A. Krolenko's diaries (1923–1931)], intro., publ., comment. I.V. Datsiuk. *Evgenii Zamiatin i kul'tura 20 veka. Issledovaniia i publikatsii* [Evgeny Zamyatin and culture of the 20th century. Studies and publications], comp. M.Iu. Liubimova, ed. L.S. Geiro. St. Petersburg, The National Library of Russia Publ., 2002, pp. 271–293. (In Russ.)

Isakov S. Leonid i Lidiia Pumpianskie. Opyt biografii [Leonid and Lidia Pumpyansky. An attempt of biography]. *Baltiiskii arkhiv: russkaia kul'tura v Pribaltike* [Baltic archive: Russian culture in the Baltics], vol. 12. Tallinn, TLÜ Kirjastus, 2012, pp. 300–322. (In Russ.)

Klimovich L.V. Fond Grigoriia Leonidovicha Lozinskogo v arkhive Tsentra izucheniia stran Vostochnoi Evropy pri Bremenskom universitete [Fond of Grigory Leonidovich Lozinsky in the Research Center for East European Studies at the University of Bremen]. *Vestnik arkhivista*, 2020, no. 1, pp. 208–222. (In Russ.)

Kuzmin M. Dnevnik 1921 goda [Diary of 1921], publ. N. Bogomolov, S. Shumikhin. *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh* [The past. Historical almanac], issue 13. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 457–524. (In Russ.)

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. T. 1. Ch. 1. Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg. [The literary life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of contemporaries. Bibliography. Vol. 1, part 1: Moscow and Petrograd. 1917–1920], ed. A.Iu. Galushkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 766 p. (In Russ.)

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. T. 1. Ch. 2. Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg. [The literary life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of contemporaries. Bibliography. Vol. 1, part 2: Moscow and Petrograd. 1921–1922], ed. A.Iu. Galushkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 704 p. (In Russ.)

Meilakh M. *Evterpa, ty? Khudozhestvennye zametki. Besedy s artistami russkoi emigratsii. T. 2. Muzyka. Opera. Teatr i Desiataia muza. Izobrazitel'noe iskusstvo* [Euterpe, you? Artistic notes. Conversations with artists of the Russian abroad. Vol. 2: Music. Opera. Theater and Tenth Muse. Art]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 951 p. (In Russ.)

Myshov N.A. “Ja ochen' proshu peresmotret' vopros o razreshenii mne... vyekhat' vremenno za granitsu”: dokumenty rossiiskikh arkhivov o pisatele F. Sologube. 1920-e gg. [“I beg you to reconsider the issue of allowing me to... temporarily go abroad”: Documents from Russian archives concerning the writer F. Sologub. 1920s]. *Otechestvennye arkhivy*, 2006, no. 6, pp. 84–95. (In Russ.)

Neizdannyi Fedor Sologub [Unpublished Fedor Sologub], eds. M.M. Pavlova, A.V. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997. 575 p. (In Russ.)

Pavlova M.M. V.F. Botsyanovskii. Zapisi razgovorov s Fedorom Sologubom (1921–1922) [V.F. Botsyanovsky. Recorded Conversations with Fyodor Sologub (1921–1922)], intro., text ed., comment. M.M. Pavlova. *Russkaia literatura*, 2019, no. 2, pp. 159–169. (In Russ.)

Pavlova M.M. Vospominaniia T.N. Chernosvitovoi o smerti A.N. Chebotarevskoi-Sologub, zapisannye L.N. Shchuko [T.N. Chernosvitova's memoirs about the death of A.N. Chebotarevskaya-Sologub recorded by L.N. Shchuko]. *Memento Vivere: Sb. pamiati L.N. Ivanovoi* [Memento Vivere: A collection in memory of L.N. Ivanova], comp., eds. K.A. Kumpan and E.R. Obatnina. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 489–496. (In Russ.)

Petritskii V. "Vrezannye v pamiat' pis'mena...". *Katalog sobrannia rukopisnykh materialov 19–20 vekov. Publikatsii* ["Letters embossed in memory...": Catalog of the 19–20th centuries manuscript collection. Publications]. St. Petersburg, National Library of Russia Publ., 1998. 240 p. (In Russ.)

"...S Vami beda — ne perevesti": Pis'ma D. P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929) ["...you are the awkward one — untranslatable": D.P. Sviatopolk-Mirski's letters to A.M. Remizov (1922–1929)], publ. R. Hughes. *Diaspora. V.* Paris, Athenaeum, St. Petersburg, Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

"Shipenie Sologuba nichego ne pribavit" ["The hissing of Sologub will add nothing"], publ. V. Shepelev, V. Liubimov. *Istochnik*, 1995, no. 5, pp. 66–71. (In Russ.)

Schruba M. *Slovar' psevdonomov russkogo zarubezh'ia v Evrope (1917–1945)* [Dictionary of pseudonyms of Russian emigrants in Europe (1917–1945)], ed. O. Korostelev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 1064 p. (In Russ.)

Surovtseva E.V. F.K. Sologub i ego epistoliarne obrashcheniia vo vlast' [F.K. Sologub and his epistolary submissions to authorities]. *Modern Science and Technology*. Petrozavodsk, Novaia Nauka Publ., 2019, pp. 97–101. (In Russ.)

Timenchik R. *Chto vdruk: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka* [What's all about: Essays on Russian literature of the past century]. Jerusalem, Moscow, Gesharim Publ., Mosty kul'tury Publ., 2008. 686 p. (In Russ.)

Timenchik R. Iz Imennogo ukazatel'ia k Zapisnym knizhkam Akhmatovoi [From the Name Index to Akhmatova's Notebooks]. "...Kak v proshedshem griadushchee zreet...": *Poluvekovaia paradigma poetiki serebrianaogo veka* ["...As the future ripens in the past...": Half-century paradigm of Silver Age poetics]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2012, pp. 318–322. (In Russ.)

Timenchik R. Iz Imennogo ukazatel'ia k "Zapisnym knizhkam" Akhmatovoi [From the Name Index to Akhmatova's Notebooks]. *Wiener Slawistisches Jahrbuch*, 2020, vol. 8 (In print, in Russ.).

Timenchik R. Iz latviiskoi akhmatoviany [From Latvian Akhmatoviana]. *Daugava*, 1994, no. 6, pp. 3–19. (In Russ.)

Akhmatova and emigrantica

© 2020, Roman Timenchik

Abstract: The paper is dedicated to several episodes of a broad and so far poorly studied subject—Anna Akhmatova’s connections with the Russian emigration. Various sources on the Russian emigration (press, documents, correspondence, personal evidence, etc.) are extremely important to recreate the perception of Akhmatova’s works by Russian émigré critics and readers; besides they make important contribution to the biographical studies. The first section is devoted to Akhmatova’s version of the causes for Anastasia Chebotarevskaya’s suicide in 1921. Akhmatova believed that Fedor Sologub’s wife and a writer Anastasia Chebotarevskaya committed suicide because of her unanswered love to Grigory Lozinsky, who short time before had left Russia. Lozinsky’s forgotten public response to Chebotarevskaya’s death — a short piece published in Berlin newspaper *Golos Rossii* (Voice of Russia) is cited in the paper. The second section is dedicated to Akhmatova’s situation during the 1922 repressive measures against intellectuals and to the reaction of the émigré press to the rumors about Akhmatova’s possible exile or expulsion from Russia.

Keywords: Anna Akhmatova, émigré press, “philosophical boat”, Anastasia Chebotarevskaya, Grigory Lozinsky, biography of a writer

Information about the author: Roman Timenchik, Professor, Hebrew University, Jerusalem, Israel. E-mail: suzirom@gmail.com

Citation: Timenchik Roman. Akhmatova and emigrantica. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 371–389. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-371-389